

Троцук Ирина Владимировна

доктор социологических наук,
доцент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

Сохадзе Кетеван Георгиевна

аспирантка кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
МОЛОДЕЖИ: ПОДХОДЫ,
МЕТОДИКИ И ЗАДАЧИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА [1]**

Аннотация:

Актуальность социологического изучения ценностных доминант молодежного сознания не требует специального обоснования, однако зачастую работы, посвященные данной проблематике, носят слишком абстрактно-теоретический, эмпирико-описательный или официально-прикладной характер. В статье показывается, что оптимальным для целей социологического анализа является разумное сочетание элементов всех обозначенных подходов, особенно в рамках сложных кросс-культурных проектов, методические решения которых должны гарантировать достижение компромисса между сугубо диагностическими и скорее управленческими задачами.

Ключевые слова:

молодежь; ценности; ценностные ориентации; эмпирическое исследование; сравнительный анализ; социологический дискурс; управленческий дискурс.

Trotsuk Irina Vladimirovna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

Sokhadze Ketevan Georgievna

PhD Student, Social Science Department, Peoples'
Friendship University of Russia

**THE YOUTH'S VALUE SYSTEM:
APPROACHES, TECHNIQUES
AND OBJECTIVES OF
THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS [1]**

Summary:

The relevance of the sociological study of the youth's value dominants is obvious for both scientific and applied reasons, however, quite often the researches dealing with the subject are too abstract and theoretical, or too empirical and descriptive, or too officiously applied. The authors suggest that the best decision for the sociological analysis is a reasonable combination of the elements of all the approaches mentioned above, especially within the framework of complex cross-cultural projects, the methods and techniques of which should guarantee a kind of a compromise between purely diagnostic and mostly management aims.

Keywords:

youth, values, value system, empirical study, comparative / cross-cultural analysis, sociological discourse, management discourse.

Вряд ли в социологической науке есть тема, сравнимая по популярности своего теоретического и эмпирического изучения с ценностными ориентациями и социальными установками молодых поколений как своеобразных «локомотивов» общественного развития, приоритеты которых позволяют в той или иной степени прогнозировать будущие траектории социального движения. В то же время именно эта проблематика является весьма неоднозначной в силу множества сосуществующих здесь подходов, методик и аналитических моделей. Так, только в отечественной социологии сложилось несколько устойчивых трактовок понятия «молодежь» [2, с. 48]: (1) как определенной возрастной группы, отличительная характеристика которой – социальное взросление (насколько оно носит социобиологический характер – вопрос дискуссионный, но у приверженцев и биологической, и социальной доминант есть масса убедительных аргументов); (2) как особого этапа жизненного цикла, отличающегося наиболее активным протеканием социализационного процесса и результирующего в обретении человеком социальной субъектности (в данной трактовке подчеркивается единство молодежи как особого символического поколения, которое занимается преимущественно усвоением и овладением широким спектром профессиональных и социальных функций и ролей) [3, с. 7]; (3) как особой позиции в социальной структуре, детерминированной в первую очередь возрастом, то есть молодежь – четко заданная «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [4, с. 385]; (4) как субкультуры – группы, обладающей особыми ценностями, нормами и поведенческими паттернами, определяющими ее своеобразие в ряду иных социальных групп и культурных образцов; и, наконец, (5) как активного социального субъекта / актора со специфическими группобразующими чертами и функциями – воспроизводственной, инновационной и трансляционной.

Перечисленные трактовки понятия «молодежь» не являются прерогативой исключительно российского социологического дискурса, однако нельзя не признать, что в зарубежной традиции возрастные и функциональные характеристики молодых поколений, как правило, не вызывают столь бурных дискуссий в научном сообществе. Отчасти данная ситуация объясняется тем, что в России критерии выделения молодежи в самостоятельную социальную группу (обычно это ее задачи / функции и возрастные рамки) сложно назвать сугубо демографическими или социологическими – они часто фигурируют в нормативных документах, оказываясь в фокусе государственного внимания как некие «констатации», без убедительных обоснований. Скажем, в «Стратегии государственной молодежной политики до 2016 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г., к молодежи относятся граждане в возрасте от 14 до 30 лет [5]: нижняя возрастная граница связана с физическим взрослением и получением разрешения на трудовую деятельность; верхняя граница обусловлена тем, что примерно к 30 годам человек предположительно (в современной ситуации отсроченного детства совершенно необязательно) достигает трудовой, семейной и социально-статусной стабильности. Впрочем, подтверждением приведенных границ молодости выступают статистические данные, согласно которым, например, на женщин в возрасте 15–29 лет приходится наибольшее число рождений детей, и большая их часть – в браке; на этот же возраст выпадает и пик брачности и т. д. [6].

Неоднозначность трактовок молодости в разных дискурсах (научном, официальном государственном и пр.) не отменяет необходимости междисциплинарного анализа молодежной проблематики, в рамках которого следует выделить два аспекта, принципиально важных для разведения в социологическом контексте, – диагностический и управленческий. В первом случае речь идет об использовании всего арсенала исследовательских инструментов социологической науки для понимания мировоззренческих доминант молодежного сознания, определяющих как устойчивые поведенческие паттерны, цели и ценности молодых поколений, так и их принципиальные отличия от поколений «отцов» и «дедов», причем социологов интересуют и приоритеты молодежи как таковой, и их восприятие прочими социально-демографическими группами.

Так, по мнению трети россиян, среди современной молодежи больше тех, кто не ставит себе конкретных целей, а просто «плывет по течению» (34 %); примерно столько же убеждены, что среди молодежи, наоборот, преобладают те, кто ставит перед собой четкие цели (совершенствование в профессии и карьере (18 %), получение образования по востребованной специальности (16 %), деньги и богатство (12 %), материальное благополучие и достойная жизнь (6 %), создание семьи (6 %) и т. д.) и стремится их достичь (30 %) [7], хотя в нашей стране молодежи сложно добиться успеха – так считает 67 % россиян и 56 % из них – 18–30-летних [8]. В качестве факторов жизненного неуспеха молодежи россияне называют отсутствие рабочих мест для молодых (27 %), лень, инертность и отсутствие у них целеустремленности (12 %), тяжелую жизнь в целом – бедность, нехватку денег (11 %), недостаточную заботу государства (7 %), платность образования (7 %) и, соответственно, недостаточный уровень знаний у молодых специалистов (6 %) и т. д.

Лишь 1 % россиян отметили, что в стране ощущается дефицит действенной молодежной политики: «не хватает организованности – комсомола или другой подобной структуры»; «нет общественных организаций и кураторов, которые могли бы подсказать молодежи, в каком направлении развиваться» и т. п. Однако дефицит государственной заботы не «компенсируется» протестной активностью: молодые россияне серьезно озабочены целым рядом проблем (ростом цен на товары и услуги (66 %), низким уровнем заработных плат (58 %) и в целом ситуацией в сфере занятости (32 %) и т. д.), но категорически не готовы принимать участие в акциях протеста: лишь каждый пятый в принципе допускает для себя подобную возможность [9]. В целом уровень участия молодежи в деятельности общественных организаций – как политического характера, так и не связанных с политикой – в российском обществе невысок, что ощущается и на повседневном уровне, без привлечения статистических и социологических данных: большинство наших знакомых не состоят и даже не осведомлены о существовании молодежных общественных организаций помимо достаточно редко упоминаемых в средствах массовой информации молодежных отделений известных политических партий.

Почему же именно ценности (обычно в формате ценностных ориентаций как неких личностных эквивалентов устойчивых социальных образцов и нормативов мышления и поведения) привлекают пристальное внимание социологов, причем все чаще в сравнительной (межпоколенческой и межстрановой) перспективе? Дело в том, что «ценности в социологии рассматриваются как фундаментальные нравственные и этические нормы, выполняющие одновременно регулятивную и прогностическую функции и обеспечивающие устойчивость социальных систем посредством нормативного регулирования и коррекции происходящих в обществе процессов, перспектив развития личности и поведения людей» [10, с. 79], то есть в самом общем смысле ценности –

это «социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь и т. п.» [11, с. 360]. Столь широкая трактовка ценностей допускает их множественные классификации, например: по сферам общественной жизни (материальные и духовные), предметному содержанию (экономические, политические, эстетические и т. д.), характеру детерминации поведения (терминальные и инструментальные), общественному восприятию (одобряемые и отрицаемые) и т. д. Соответственно, интерпретация личностью ценностей материальной и духовной культуры своего общества и стремление / отказ следовать им отражены в понятии «ценностные ориентации» [12, с. 197], под которыми понимаются разнообразные варианты отражения в сознании людей ценностей общества, признаваемых или отрицаемых в качестве стратегических жизненных целей, мировоззренческих ориентиров, профессиональных амбиций и регуляторов поведения.

На сегодняшний день можно выделить два базовых методологических подхода к изучению ценностей – условные «измерение» и «выявление» [13, с. 133]. В первом случае респонденту предлагается список ценностей (сформированный произвольно или по итогам методических экспериментов) и жесткая схема их оценивания: абсолютная – каждая ценность оценивается по одной и той же балльной или номинальной шкале, или относительная – каждая ценность рассматривается в соотношении с другими (можно выстроить ранжированный список, выбрать по одной ценности в наборе пар или определенное число ценностей из предложенного списка). Яркий пример реализации данного подхода – известная методика М. Рокича, построенная на технике прямого ранжирования двух классов ценностей – терминальных (ценностей-целей) и инструментальных (ценностей-средств) [14]: респонденту предлагаются два списка ценностей, где в каждом он присваивает каждой ценности ранговый номер (сначала предъявляется набор из 18 терминальных, а затем набор из 18 инструментальных ценностей).

Преимущество методики Рокича состоит в том, что полученная таким образом иерархия ценностей может быть перегруппирована в содержательные блоки по различным основаниям, также методика позволяет успешно решать задачи сопоставительного анализа. Например, в начале 2000-х гг. на ее основе было проведено сравнительное исследование среди студентов России и Казахстана, сфокусированное на терминальных ценностях [15]: социологи проранжировали ценности, которыми молодежь каждой страны руководствуется в жизни, и поделили каждый список на три блока по шесть ценностей – наиболее значимые, менее важные и наименее предпочитаемые. Группировка четко обозначила мировоззренческие расхождения постсоветской молодежи: если третья группа наименее значимых ценностей в обеих странах оказалась представлена одинаковым набором ценностей, хотя и с разными ранговыми показателями (социальное равенство, спокойная ситуация в стране, общественное признание и др.), то второй блок оказался более вариативным: у молодых жителей Казахстана, что можно объяснить исторически детерминированным приоритетом коллективных ценностей, в эту группу попали свобода как независимость в поступках и действиях и интересная работа, которые их российские сверстники отнесли в категорию наиболее приоритетных для себя ценностей. Тем не менее самые высокие позиции по значимости в мировоззренческом комплексе молодых поколений двух стран заняли одни и те же цели – здоровье, любовь и верные друзья, а также материальное благополучие, которое у россиян в большей степени связано с интересной работой, а у казахстанцев – со счастливой семейной жизнью и мудростью (вряд ли здесь следует подчеркивать антиномию западных и восточных ценностей, но характерные для разных типов социальных систем традиции не могли не сказаться на мировоззренческих доминантах).

Подходы, построенные на схожих с методикой Рокича принципах, составляют ядро попыток социологического «измерения» ценностных ориентаций, тогда как «выявление» ценностей предполагает скорее актуализацию и текстовую фиксацию личностных представлений и предпочтений респондентов, которые можно подвергнуть количественной обработке и на основании которых можно выделить обобщенные категории / классы суждений у разных социально-демографических и типологических групп. Один из примеров выявления ценностей – опросная методика, разработанная Г.И. Саганенко [16, с. 80]: респонденту предлагается самостоятельно сформировать «пакет» из 10 наиболее значимых для него ценностей, отвечая на двойные открытые вопросы (артикуляция индивидуальных ценностей дополняется разъяснением их смыслов); затем применяются двойные количественные оценки (субъективной значимости ценности и удовлетворенности состоянием соответствующей ценностной сферы).

Безусловно, сложные методические решения, примеры которых были приведены выше, редко используются в кросс-культурных исследованиях – они, как правило, основываются на несложных анкетах, неизбежные модификации которых с учетом специфики каждой конкретной страны не меняют кардинально базовый опросный инструментарий. Однако и самые простые методические решения сравнительных проектов не всегда гарантируют сопоставимость данных,

потому что даже, казалось бы, очевидные повседневные моменты могут по-разному интерпретироваться представителями разных стран. Скажем, известные международные проекты «Европейское социальное исследование» (European Social Survey – ESS [17]) и «Всемирное исследование жизненных ценностей» (World Values Survey – WVS [18]), основанные на требовании единого инструментария как гарантии корректности межстрановых сопоставлений, не выглядят столь уж убедительно, если внимательно всмотреться в используемые в анкете простейшие лексические конструкции. Например, в одном из вопросов, призванных измерить социальную дистанцию по отношению к мигрантам и иностранным рабочим, респондентов просят назвать группы, с представителями которых они не хотели бы «жить по соседству» [19, с. 75], но соседство воспринимается очень по-разному в тех странах, где значительная часть населения проживает в многоквартирных домах, и там, где более распространены частные домовладения (в 2011 г. 56 % французских домохозяйств имели собственный дом, в России – только 26 %, то есть реальное пространство, в котором формируются те или иные модели социального дистанцирования, в двух странах различно).

Тем не менее масштабы двух крупнейших международных проектов по изучению ценностных ориентаций впечатляют. Проект WVS, сфокусированный на фиксации изменений ценностей и убеждений поколений с течением времени и социально-политических последствий подобных трансформаций, охватил более 97 стран, а в последней на сегодняшний день его волне (2010–2014) было задействовано 60 стран Европы, Азии, Африки, а также бывшего Советского Союза: выяснялись мнения разных возрастных групп (младше 29, 30–40 и старше 50 лет) о политических процессах, о том, какие качества наиболее важны для человека, об их опасениях и планах на будущее, уровне удовлетворенности жизнью и доверия к другим людям и организациям, восприимчивости общественных и религиозных организаций и т. д.

Проект ESS в силу своей географической привязки охватывает меньшее число стран (30, в том числе Россию) и нацелен на описание и объяснение тех изменений, которые характеризуют социально-политическую ситуацию в Европе, и ценностных ориентаций ее населения, уровня доверия социальным институтам и удовлетворенности жизнью, оценки деятельности руководства страны, системы образования и здравоохранения, социального оптимизма и т. д., а также на демонстрацию познавательных возможностей и преимуществ социологического анализа по сравнению с отслеживанием только экономических показателей. Для этого в рамках ESS применяется модификация «портретного ценностного вопросника» (Portrait Values Questionnaire), основанного на предложенной Ш. Шварцем [20] классификации ценностей по десяти индексам в результате применения комплексного инструментария, в котором респонденты оценивают и предложенные ценности по заданной шкале, и особые ценностные профили («портреты»). Хотя в ESS использовался сокращенный вариант ценностного опросника Шварца [21], что объясняется прежде всего задачами сопоставительного анализа, модифицированная методика позволяет «замерять» нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты респондентов.

Несомненно, кросс-культурные исследования ценностных ориентаций не столь широко распространены, как, вероятно, хотелось бы многим социологам, интересующимся, в частности, результатами постсоветской трансформации в странах со схожими или различающимися траекториями социально-экономического и политического развития. Причина тому – не только трудности разработки некоего универсального инструментария по конкретной проблематике или в целях обобщенной характеристики ценностных ориентаций отдельных поколенческих групп, но и отсутствие единых общепризнанных моделей измерения ценностных ориентаций даже в рамках отдельных социокультурных систем. Так, в России ежегодно проводится множество общенациональных и региональных «замеров» мировоззренческих доминант молодежного сознания, о чем свидетельствуют, например, соответствующие публикации в журнале «Социологические исследования», но часто проекты диагностического и управленческого характера не пересекаются на уровне методологических, методических и организационных решений. Скажем, мониторинг «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» по заказу Федерального агентства по делам молодежи, наиболее известная волна которого, судя по количеству ее упоминаний в разных публикациях, прошла в 2010 г. [22], отличается комплексным характером: его авторы стремятся охарактеризовать положение российской молодежи в неких ценностно-мотивационных детерминантах, комбинируя методы интервью, анкетирования, контент-анализа и специальных групповых дискуссий, чтобы получить данные об удовлетворенности молодежи разными аспектами своей личной и общественной жизни и волнующих ее проблемах как базовых индикаторах ее ценностных ориентаций. С другой стороны, важным ограничением данного мониторинга является некоторое игнорирование накопленных в отечественной социологии эмпирических данных и аналитических выкладок, которые могли бы стать важным интерпретационным фреймом в рамках и диагностической, и управленческой исследовательских ориентаций.

Использованную в рамках мониторинга модель изучения ценностных ориентаций молодежи можно считать оптимальной в том смысле, что она нацелена одновременно на выявление и измерение мировоззренческих доминант молодежного сознания, и эту схему можно адаптировать для целей кросс-культурного анализа. Так, российские исследователи выделяют три базовые группы ценностных ориентаций молодежи: (1) связанные с личной и общественной безопасностью, душевным и физическим здоровьем и фиксируемые через страхи и опасения объективного и субъективного характера; (2) выражаемые в оценках жизненных планов и перспектив в образовательной, профессиональной, семейной и прочих сферах; (3) определяемые общей установкой на «социальное участие» (вовлеченность в разнообразные форматы гражданской активности политического и неполитического характера); а также три группы факторов, детерминирующих структуру, соотношение и содержательное наполнение каждого блока, – системные (на уровне общества в целом), институциональные (на уровне отдельных социальных институтов) и индивидуально-биографические (социально-симптоматического и типического характера).

Результаты мониторинга «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» представляют интерес и потому, что фактически его задачей стала не столько диагностика мировоззренческих доминант молодежного сознания как таковая, сколько их учет в разработке программ государственной молодежной политики: под ней в России понимается «деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив» [23]. Декларативно государство ориентировано на поддержку молодежи во всех ее начинаниях и инициативах, особенно в сложные жизненные периоды, и экспертный опрос, проведенный нами весной 2015 г. среди 65 представителей российских неполитических общественных объединений, показал, что большинство респондентов (77 %) осведомлены о зафиксированных в нормативных документах задачах государственной молодежной политики, но лишь 15 % полагают, что она эффективно реализуется, примерно столько же (16 %) – убеждены, что она имеет исключительно номинальный характер и в целом не удовлетворяет потребности общества и социальный заказ на участие государства в жизни молодых поколений, то есть не справляется с задачей создания эффективной системы институтов социализации и механизмов формирования ценностных ориентаций современной молодежи.

Согласно данным общероссийских опросов [24], по мнению россиян, государство уделяет недостаточно внимания проблемам молодежи (64 %), а должно заниматься в первую очередь трудоустройством молодых людей (21 %), предоставлять им возможности получения бесплатного образования (14 %), вести активную молодежную политику (10 %), организовывать бесплатный и доступный досуг (8 %), обеспечивать жильем (7 %), приобщать к спорту и здоровому образу жизни (7 %), повышать качество образования (4 %) и гарантировать достойную зарплату (3 %) (судя по доле отметивших последние варианты ответов, речь не идет о неких патерналистских ожиданиях).

Таким образом, независимо от предпочитаемого подхода к изучению ценностных ориентаций молодежи – диагностического или управленческого, внутристранового или кросс-культурного, «измерительного» или «выявительного» – исследователи неизбежно фокусируются на тех особенностях (само)оценок и социального самочувствия молодежи, которые определяют принципиальные сходства и отличия ее целей, ценностей, потребностей, нравственных ориентиров и поведенческих паттернов от старших поколений, а также на факторах, детерминирующих подобные отличия и сходства. Комплексный социологический анализ, корректно сочетающий в себе элементы различных подходов, может предоставлять государственным структурам и общественным организациям объективные и надежные данные для разработки программ эффективной молодежной политики, однако это не может являться его основной или единственной задачей.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 15–03–00573.
2. Чупров В.И., Зубок И.А. Социология молодежи. М., 2011.
3. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М., 1969.
4. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
5. Стратегия государственной молодежной политики Российской Федерации от 18.12.2006 № 1760-р.
6. См., напр.: Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М., 2014.
7. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности – 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSenosti/11748> (дата обращения: 20.09.2015).
8. Легко или трудно живется молодым – 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSenosti/11749> (дата обращения: 20.09.2015).
9. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности. Указ. соч.
10. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. Серия 18 «Социология и политология». 2010. № 3.
11. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. М., 2007.

12. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
13. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1.
14. См., напр.: Rokeach M. *The Nature of Human Values*. N.Y., 1973.
15. Мухамбетова К.А., Кунантаева Д.Д. Ценности современной молодежи (на примере России и Казахстана) // Вестник Омского университета. 2004. № 2.
16. Саганенко Г.И., Гегер А.Э., Степанова Е.И. Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей // Социология: 4М. 2011. № 32.
17. The 3rd International ESS Conference [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 04.09.2015).
18. World Values Survey Association at the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 04.09.2015).
19. Федоров П.М. О сравнимости результатов кросс-культурных исследований (на примере измерения установок в отношении мигрантов) // Социологические исследования. 2015. № 1.
20. См., напр.: Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement / S.H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32, № 3.
21. Магун В., Руднев М. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. WP6/2010/03. М., 2010.
22. Мониторинг «Ценностные ориентации молодежи в современных условиях». М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: edu53.ru/np-includes/upload/2010/08/15/256.doc (дата обращения: 25.09.2015).
23. Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 25.
24. См., напр.: О молодежи ...

References and notes:

1. The study was supported by RFH Grant № 15-03-00573.
2. Chuprov, VI & Zubok, IA 2011, *Sociology of Youth*, Moscow.
3. Lisovskiy, VT 1969, *Sketch to the portrait: life plans, interests and aspirations of the Soviet youth*, Moscow.
4. 'Youth' 1983, *Philosophical Encyclopedic Dictionary*, Moscow.
5. Strategy of State Youth Policy of the Russian Federation of 18.12.2006 № 1760-p.
6. See i.e.: *The youth in the Commonwealth of Independent States: A Statistical Portrait* 2014, Moscow.
7. *Youth: age limits, values, characteristics – 2014* 2015, retrieved 20 September 2015, <<http://fom.ru/TSennosti/11748>>.
8. *How easy or difficult to live young – 2014* 2015, retrieved 20 September 2015, <<http://fom.ru/TSennosti/11749>>.
9. *Youth: age limits, values, characteristics – 2014* 2015, retrieved 20 September 2015, <<http://fom.ru/TSennosti/11748>>.
10. Elishev, SO 2010, 'Theoretical and methodological approaches to the study of concepts "value", "value orientation"', *Bulletin of Moscow University. Series 18 "Sociology and Political Science"*, no. 3.
11. Dobrenkov, VI & Kravchenko, AI 2007, *Sociology*, Moscow.
12. Zdravomyslov, AG 1986, *Requirements. Interests. Values*, Moscow.
13. Geger, AE 2010, 'Identification of individual and group values in a group of youth: the relevant methodological solutions', *Sociological researches*, no. 1.
14. See i.e.: Rokeach, M 1973, *The Nature of Human Values*, N.Y.
15. Muhambetova, KA & Kunantaeva, DD 2004, 'The values of today's youth (for example, Russia and Kazakhstan)', *Bulletin of the University of Omsk*, no. 2.
16. Saganenko, GI, Geger, AE & Stepanova, EI 2011, 'Potential reflexive methods to identify relevant values', *Sociology: 4M*, no. 32.
17. *The 3rd International ESS Conference* 2015, retrieved 04 September 2015, <<http://www.europeansocialsurvey.org>>.
18. *World Values Survey Association at the United Nations* 2015, retrieved 04 September 2015, <<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>>.
19. Fedorov, PM 2015, 'On the comparability of cross-cultural studies (for example, measuring the attitudes towards migrants)', *Sociological researches*, no. 1.
20. See i.e.: Schwartz, SH, Melech, G, Lehmann, A, Burgess, S, Harris, M 2001, 'Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement', *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 32, no. 3.
21. Magun, V & Rudnev, M 2010, *Basic Values 2008: similarities and differences between the Russians and other Europeans*, WP6/2010/03, Moscow.
22. *Monitoring of "Valuable orientations of youth in modern conditions"* 2010 Moscow, retrieved 25 September 2015, <edu53.ru/np-includes/upload/2010/08/15/256.doc>.
23. 'The main directions of the state youth policy in the Russian Federation' 1993, *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*, no. 25.
24. *Youth: age limits, values, characteristics – 2014* 2015, retrieved 20 September 2015, <<http://fom.ru/TSennosti/11748>>.